

Один год из жизни Александра Исаевича

Встреча Солженицына с Отечеством сложилась непросто

Рек. - 1995 - 8 сент. - с 11

Людмила САРАСКИНА

Трудно назвать другого писателя XX века, чья судьба была бы более фантастична и символична одновременно, чем судьба Солженицына. В автобиографии, составленной им в 1970 году по просьбе Нобелевского комитета, он писал: «Даже событий, уже происшедших с нами, мы почти никогда не можем оценить и осознать тотчас, по их следу, тем более непредсказуем и удивителен оказывается для нас ход событий грядущих».

Между тем уже в первые часы и дни на европейской земле он осознал точный смысл дарованной ему свободы: «Из лефортовской смерти выпустили печатать книги». Что же касается хода событий грядущих — он связывался Солженицыным с возможностью «живо и бережно убрать свой урожай», а затем вернуться с этим урожаем в Россию.

Теперь — это свершившийся факт.

О Солженицыне в этой связи принято говорить: он сам моделирует свою литературную биографию и свое общественное поведение; он приехал в Россию, чтобы поставить восклидательный знак в финале своей легендарной судьбы. Но даже если допустить, что жесткий расчет и запланированная дальновидность поступков и в самом деле имеют место, нельзя чисто по-человечески не изумиться тому мужеству и той силе духа, с которыми он опять и уже по доброй воле начинает жизнь на новом месте и в новых обстоятельствах.

Трудно было становиться изгнанником в 55 лет, но не легче и в 75 лет чувствовать себя новичком в своей стране.

За много лет, в течение которых Солженицын «убирал урожай», он привык, наверное, к прозвищу «вермонтский отшельник». Отшельником писатель, однако, никогда не был: как объясняет его жена, Наталья Солженицына, «он просто охранял свою работу» (работа же была — десять томов «Красного колеса»). Тем меньше собирается он быть отшельником здесь, в России, с которой, в корне меняя свой уже устоявшийся образ жизни, писатель стремится познакомиться заново.

Двадцать лет в этом смысле огромный срок. За эти годы —

если сосредоточиться даже только на человеческом измерении, не касаясь огромности политических перемен, выросло поколение читателей, практически не знакомых с текстами Солженицына и его уникальной судьбой. Примерно до 1987—1988 года книг Солженицына и взять-то неоткуда, а потом на российский читающий мир лавиной свалилась литература сразу лет за семьдесят. В этом потоке для людей несведущих, которым сейчас и двадцать, и тридцать, мог потеряться любой автор. Однако и тот, преданный Солженицыну читатель старшего возраста, кто вырос на самиздате, воспитывался на заповеди «жить не по лжи» и возмужал на «Архипелаге ГУЛаг», этот хорошего закала читатель не знает как минимум и половины привезенного в Россию, изданного на Западе 20-томного собрания сочинений: то есть не знаком как раз с «урожаем».

Кроме того: за годы политических перемен сформировалась критика и публицистика, опьяневшая от даром доставшейся шальной свободы. Перед приездом Солженицына в Россию будто бы повальная болезнь сразила нашу избалованную гласностью пишущую братию: газеты и журналы, радио и телевидение наперебой старались продемонстрировать, что ни в коем случае не станут ни трубадурами, ни придворными, ни свитой при Солженицыне. Будто ждали, что придет барин, начальник литературы, главнокомандующий свободой слова.

Но разве может быть у русского писателя свита и штат придворных? Да, у него имеются читатели, знакомые, друзья. Счастье быть читателем Солженицына, честь — оказаться среди его знакомых и друзей.

Мне кажется, что Солженицын, закончивший в изгнании свой великий литературный труд, роман-эпопею об истории Октябрьской революции, вернулся в Россию не сорвать аплодисмент, а вырастить, воспитать своего читателя, своего критика, своего исследователя. Думаю также, что процесс взаимного узнавания писателя и страны воспринимается Солженицыным не как лишние хлопоты или досадные помехи в обретении славы, а как новая творческая задача, которой он отдается с азартом и страстью.

В тот день, 13 февраля 1974 года, А. И. Солженицын, сутками ранее арестованный на своей московской квартире и привезенный в тюрьму Лефортово, где ему предъявили обвинение в измене родине, а потом и указ о высылке, прощался с Россией из окна самолета, вылетавшего спецрейсом из Шереметьево в неизвестном ему направлении. Прощание выходило незатейливым: последней русской едой оказались пустые тюремные щи и сваренная на воде овсянка; последними русскими пейзажами — заснеженные постройки, последними собеседниками — соотечественниками — тюремный врач и восемь гебистов-охранников, эскортировавших арестанта. От тюремного белья до пальто и шапки, от галстука до ботинок со шнурками, и даже кусок черного хлеба, упрятанного в карман пиджака, — все было казенным, лефортовским. Так что когда наконец выпихнули его из самолета за границу, личного, своего, имелось при нем только наручные часы да нателный крест. С ними и началось изгнание.

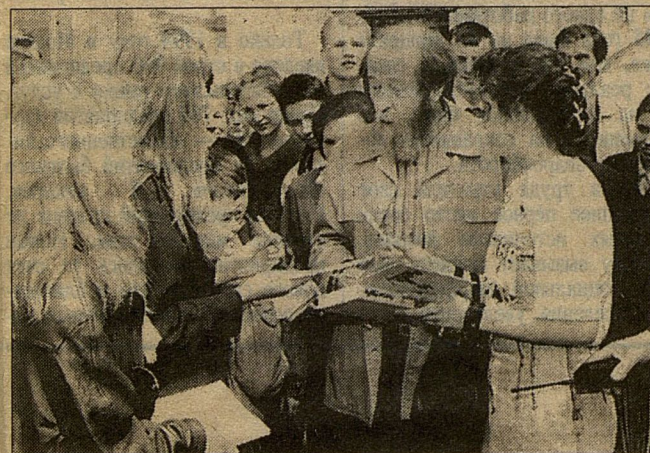

Фото Рейтер

Более того, этому процессу он сразу задал мощный темп и феноменальное качество. После почти двухмесячного путешествия по стране от Магадана до Москвы с сотнями встреч, пробыв дома (на новом месте!) всего пять недель, Солженицын отправился на юг России, в места своего детства и юности; побывал в Ростове-на-Дону и Ставрополе, Воронеже и Тамбове, Рязани и Владимире — словом, там, где пролегли тропы его судьбы.

За считанные месяцы Солженицын встретился, я думаю, с тысячами людей. Но как непохожи были эти встречи на модные в годы перестройки поездки «прогрессивных писателей» к простому народу или на «концерты» популярных экономистов. К Солженицыну приходили все, кто хотел, и писатель предлагал им говорить: это были голоса страны, это был воздух эпохи.

Солженицын сдержал слово, данное им людям, и рассказал с высокой трибуны Государственной думы о бедах своих соотечественников — об их

нищете и бесправии перед начальством, о высокой смертности и моральной подавленности. Эффект, а также смысл и многочисленных встреч его с людьми, и публичных выступлений по телевидению много шире и значительней. Отказываясь от участия в каком бы то ни было конкретном партийно-политическом движении, он тем не менее становится реальной фигурой, способствующей возрождению народного духа. Это возрождение протекает тихо, без презентаций с шампанским и колокольным звоном. Люди — и те, с кем он общался лично, и те, кто видел и слышал его только по телевидению, — взялись за перо и стали писать ему.

Но ведь чтобы сесть писать письмо писателю такого масштаба, нужно, если это не простая просьба, проделать огромную духовную работу, пусть даже письмо будет состоять из одних вопросов. Порою задать вопрос намного трудней, чем дать на него ответ. Солженицын, систематически, два раза в месяц, появ-

ляясь на телевидении, стимулирует людей задавать вопросы, совершать духовную работу. И я видела, какую огромную работу по чтению и изучению писем проделывает сам Солженицын, видела, как его семья малыми силами регистрирует, обрабатывает и раскладывает по тематическим папкам всю его колоссальную почту.

Так реальные и потенциальные читатели Солженицына, его сограждане, становятся и соучастниками его дела.

Вместе с тем движение писателя и его соотечественников навстречу друг другу исполнено драматизма, ибо осуществляется на фоне уже привычной лжи властей и лицемерия прессы. То и дело Солженицына пытаются представить или политиканом и корыстным демагогом, или, напротив, человеком, потерявшим всякое ощущение реальности. Солженицын пытается говорить искренне и честно в стране врунов, но люди, видя так много лжи и фальши кругом, теряя способность отличать подлинное от поддельного, предпочитают во всем видеть только фальшь. И пока не верят ему.

Но он и не ждет молниеносной победы и мгновенного успеха. Поэтому всякий раз в выступлении он старается подчеркнуть, что многого еще не знает, не увидел, не разобрался, что готов поправить, а то и изменить свое суждение. В его общественном поведении нет ничего от законодателя мод, нет позы непогрешимого всеведущего судьи, нет амбиции вождя и учителя нации. Все больше русских сердец откликается ему, находят опору в нем, зажигаясь энергией и оптимизмом.

Три-четыре раза в месяц Солженицын приходит в ту самую квартиру на Тверской улице, где он был арестован и увезен в Лефортово. Теперь здесь его литературное представительство; здесь же располагается и фонд его имени, который распределяет среди бывших заключенных ГУЛага денежные средства, полученные от изданий «Архипелага».

Подмосковный дом в Троице-Лыково, где в летнее время живет Солженицын и его семья, строился так, чтобы его крыло было оборудовано как архив, где со временем смогут работать специалисты-историки. Помимо архивных материалов к «Красному колесу»,

среди которых немало интереснейших исторических документов, здесь содержится и личный архив писателя: все черновики и все редакции его художественных произведений, а также вся переписка. «Это самый большой писательский архив в России», — с гордостью говорит Солженицын. В доме — вопреки множеству слухов и сплетен — нет никакой прислуги: весь быт, а также работа литературных помощников лежит на жене писателя, Наталье Дмитриевне, и ее маме, Екатерине Фердинандовне, ровеснице Солженицына.

За год Солженицын много успел. Помимо встреч с людьми, выступлений, регулярных телепередач он снова стал писать рассказы — «вернулся к малой форме», как говорят специалисты. Оглядывая свой двадцатитомник, изданный — увы! — не в России, писатель указывает на третий том, тоньше всех других вдвое, с рассказами 60-х годов, открывающийся знаменитым «Иваном Денисовичем». «Вот хочу немного добавить сюда», — поясняет автор. В «Новом мире» опубликованы два его прекрасных рассказа, которые проницательным критиком уже определены как творческая заявка на проекты прозы грядущего столетия. Осенью выйдут еще четыре новых рассказа. Вскоре в одном из московских издательств появятся значительно дополненные мемуары «Бодался теленок с дубом»; готовится к изданию и вторая книга мемуаров с условным названием «Теленок на Западе».

Книг Солженицына, как написанных в России, так и изданных за рубежом, просто читателю, особенно в провинции, не достать по-прежнему ни в библиотеке, ни в книжном магазине. Некоторые тексты (пьесы, публицистические статьи) не доступны практически никому.

На премьере «Пира победителей», состоявшейся 25 января 1995 года, Солженицын сказал: «Сегодня я — по-настоящему счастлив». И это не было лишь данью вежливости или благодарности актерам, хорошо сыгравшим спектакль, и зрителям, хорошо его принявшим. Это было состоянием души. А душа его, как любовно говорит Наталья Солженицына, «не подвержена спазмам».